

Глиста с опарышем ползли

Навстречу солнцу и любви

Беззаботно проплывая мимо столь актуальной и благородной темы, вот уже десятилетие ставившей перед собой на колени пытливые умы современных мыслителей, как — какой рукой подтирать задницу? левой или правой; (для себя этот вопрос благополучно решил, узнав, что существует бумага), я обратил свой взор на менее возвышенное, а именно на так называемые » мыльные » сериалы, в их классическом проявлении. Точнее, в своём рассказе я попытался представить, чтобы было, сыграй, хотя бы пару ноток пьяные Бивис и Батхэд в этой белоснежной опере. Выпив ведро водки, а что поделатъ — в образ надо вживаться, я взялся за; впрочем, за него я взялся ночью. Итак;

Молчаливое утро уже готовилось передать эстафету знойному дню, когда на сцене появился он. Гладко выбритый, в безупречном костюме, с лицом, дышащим тоскливым интеллектом и интеллигентной романтикой, Жопа походил на сказочного принца. Даже коня выдумывать не надо — играющие на седле; , лишнее тому подтверждение. Сиё создание и привезло нашего героя к одиноко стоящей, не поражающей своими размерами, но уютной, исцарапанной морщинками времени и уже тускнеющей, но всё ещё белой вилле, окружённой аккуратным зелёным газоном, самой природой местами удачно пронзённого сочными деревьями, благоухающими цветочными клумбами и конскими » лепёшками », гордо млеющими на солнце. Не успел принц спешиться, как на встречу ему, пышной грудью вспарывая воздух, вылетела довольно милая птичка. Служанка Крест вот уже пять лет всегда искренне радуясь и ласково улыбаясь встречала его. Причину столь не однозначного поведения можно было без особого труда прочесть в её валентиновых глазах.

Она ошиблась, ожидая услышать привычное сухое приветствие, облитое отборным матом:

— Любезная, посмотри пожалуйста, по-моему у коня заноза в заднице.

Продолжая улыбаться, птичка кинулась исполнять просьбу своей тайной сердечной мозоли. Внезапно безмолвие порвал громогласно изданный животным звук, природу которого лучше всего объяснят дальнейшие телодвижения, наиболее ощутившей всю прелесть данной вспышки, сидевшей в первом ряду Крест. Молниеносно выпрямившись, она схватилась руками за горло, из покрасневшего лица засочились слёзы и через несколько секунд жадной борьбы за воздух её обмякшее тело рухнуло на землю. (Всё — таки хорошо, что мне удалось обойти выражение » конь пёрнул ». Действительно, » пёрнул » звучит как — то; Ну, да ладно, не написал » пёрнул » и не написал. Так что проехал)

— Ну не дура ли? — сурово наблюдавшего за всем происходящим хозяина коня словно прорвало. Тыча пальцем в пострадавшую, он даже не пытался прикрыть своё игривое злорадство. — Сколько можно предупреждать тебя — будь умной, а главное — культурной! Подумать только, лезть коню в задницу немытыми руками! — Встретившись взглядом с довольно улыбающимся вредителем воздуха, прожектор культуры ласково потрепал его гриву. — А ты молодец! Не зря я на тебя столько время потратил!

Внутри упомянутого выше жилища спокойно зевала уютная, домашняя обстановка, очень близкая к классическим студийным теле — декорациям данного направления, в которых главные герои растягивают до невероятных размеров путь к сердцу другого.

Жопа и сам не знал почему, но как только он переступал порог этого дома его сразу тянуло отлить. Тяготей к быстрому варианту решения возникшей проблемы, ему не приходилось испытывать страдания по поводу того, где и как это сделать. Вот и сейчас, не обращая никакого внимания на присутствующих дам и даже не утруждая себя изображением хотя бы искусственного смущения, гость бодро прошагав к декоративному лимонному деревцу, тут же принялся его орошать. Сидящие за накрытым столом Просто Вонь и её мать, француженка Де, привыкшие к столь экзотическому появлению Жопы, равнодушно рассматривали его спину, принимавшую участие в создании новых, но таких знакомых ароматов, благодаря которым им пришлось прервать свою трапезу. Их вообще было трудно чем — либо удивить, они даже чем — то напоминали унылых кукол, с такими же безликими голосами.

— Ты смотри, снова припёрся, — ленивый голос мадам Де предназначался дочери, но его прекрасно слышал и тот, о ком она говорила. — Пять лет уже ходит Жрёт, пьёт на халяву, ссыт где попало, а толку — никакого.

— Кажется, я поняла почему у нас лимоны созревают раньше срока, — взломав столь сложную загадку, утрюмо созерцавшая её автора Вонь, сохранила унылое спокойствие.

Сделав вид, что просто не заметил отпущенные в его адрес упрёки, Жопа, тем не менее, продолжал оставаться культурным и прежде чем опустить своё дряблое тело в кресло, он не забыл обрадовать гостеприимных хозяек своим дружелюбным приветствием:

— Целую всех присутствующих в левый сосок! Я, как вижу, вы уже обедаете, тогда я вовремя! Манерный старик в голубых, плотно обтягивающих ноги лосинах, украдкой выглядывая из — за двери собственной комнаты, с интересом наблюдал за всем происходящим. Дряхлеющий глава семейства не желал и по жизни никогда не работал, предпочитая этому занятию беззаботные философские беседы на возвышенные темы, благо рабы, гонимые злым надсмотрщиком Эминемом давали ему такую возможность. Но приход такого долгожданного гостя, как Жопа — это другое дело! Как только знакомый силуэт рисовался за столом, старик бросал всё, хватался за тряпку и с невероятным усердием принимался мыть, натирая до блеску полы рядом с местом пришедшего. Причём, выполнял он это задание, принимая крайне неприличную позу, направляя задницу в сторону сидящего, временами касаясь его, при этом до омерзения вульгарно играя своими окороками и булками.

Стремительно добравшись до еды, любитель поливать чужие лимоны, жадно хватая всё подряд и мощно работая челюстями, в скором времени набил свой живот до отказа. После чего, вольготно развалившись в кресле, как бы подчёркивая своё полное удовлетворение, он с наслаждением глубоко вздохнул, доставая сигарету. Но что-то было не так — Очевидно, трудолюбивый старик, как назойливая муха крутившийся рядом, забыв подмыться, слишком близко преподнёс этот запах равнодушному к его выкрутасам гостю.

— Любезный, — неприхотливость Жопы к различного рода запахам, позволила ему с лёгкостью одолеть подступившую тошноту и сохранить весьма мягкий тон по отношению к её возбудителю. — По — моему, вы слишком много работаете! Учитывая ваш возраст, меня это немного волнует. Так что идите, пожалуйста, и отдохайте. Вы это заслужили! — Удивившись собственной учтивости, он всё же успел зацепить своей главной мыслью тоскливо удалявшегося старца, на лице которого демонстративно плавала обида. — Да, а главное, не забудьте подмыться! И не упускайте возможность осветить свой, уже вбежавший в рамки возрастного маразма мозг чтением умных книг, акцентирующих внимание на куртуазности поведения человека в обществе.

Пока не забыл, Жопа принялся записывать свою последнюю фразу, рассчитывая в дальнейшем выбить её на собственном могильном постаменте. И не беда, что он сам её толком не понял, зато звучало красиво!

Вонь задумчиво рассматривала лежащий на столе здоровенный огурец, пытаясь пальцами рук повторить его габариты, очевидно, думая о#8230;

— Даже не пытайся. — Де уловила близкие ей самой мысли дочери. — Он слишком велик для тебя. Просто, съешь его.

— Да, сударыня! Вы уж слишком привередливы в еде! — Жопа и тут не просёк ситуации. — Вот, если бы вы, как ваш отец вкалывали с утра до вечера, тогда бы я посмотрел на ваше поведение за столом!

— Её отец, сударь, сроду нигде не работал. — Возмущённая Де поневоле стала козырять семейными тайнами, хотя она, как и её дочь продолжали оставаться неестественно спокойными. — И если вы всё

ещё не поняли — то он голубой. Возможно, вы в его вкусе. Вот он и придумал этот трюк с мытьём полов, чтобы как — то к вам подъехать. А так он в жизни тяжелее вилки и ножа ничего не поднимал. К тому времени как Вонь, очнувшись после непродолжительного обморока, отлепила своё лицо от тарелки, наивный гость уже успел узнать у её мамы кто такие голубые и чем они занимаются.

— Так вот значит, как называются эти люди, которые делают такие некультурные вещи. Недавно мне посчастли#8230; не посчастливилось встретить таковых. Даже деньги мне предлагали, чтобы втянуть меня в свои мерзкие дела! Целых#8230; — Он достал из кармана несколько мятых купюр и, уважительно пересчитав их, быстро убрал обратно. — Целых семьдесят пять долларов! Но я тут же, прям сразу отказался! Наотрез!

— Ты как, в порядке? — Француженка с интересом следила за тем, как её дочь убирала с лица остатки причудливых, жирных узоров.

— Всё хорошо, мама. Но почему, ты не рассказывала мне об этом раньше?

— Извини, наверное, просто забыла. Он ведь скрытный, зараза. Ещё когда я была его сводным братом, сама немало удивилась, узнав о его наклонностях. И потом полюбила его за это. А чтобы сохранить моральный облик нашей семьи, мне пришлось пойти на операцию по смене пола#8230; Вот только каким образом ты на свет выскочила — это я до сих пор понять не могу.

— Вот это да! — От пережитого на лице Вони даже заблестели соответствующие эмоции, правда, не надолго. — Адреналин так и прёт, когда вот так, узнаёшь такое! Просто одуреть! Нет, ну действительно, обалденное состояние!

Жопа уж было собрался прервать затянувшуюся паузу, как вдруг тишину громогласно огрел отвратительного свойства, омерзительный пердёшь (в этот раз я не удержался от соблазна). Демонстративно сравнивая невыносимое зловоние со своими возможностями, присутствующие, тошнотворно морщась, наотрез отказались от участия в создании этого события. Но выход нашёлся сам собой, когда заворочался дремавший в углу пёс.

— Крайне некультурное животное! Надо как — то наказать, — Жопа тут же назначил его виновным за испорченный воздух.

— Только не больно, чтоб он даже ничего не почувствовал, — примкнула к нему Вонь.

— И не забывайте при этом, как мы с Бриджит радеем за бездомных животных, — напомнила о себе Де.

Вечером того же дня лежащий на столе жаренный пёс, покрытый аппетитной корочкой, отбеливал своё доброе имя, распространяя совсем иные благоухания, чем те, в которых его так несправедливо обвиняли.

Правда, триумф справедливости длился недолго. Не успел Жопа обглодать тощую задницу собаки, как, издав дикий вопль, в атмосферу снова проник гнусный запах. В этот раз взоры собравшихся обвиняли во всём тихо сидящего в клетки волнистого попугайчика. Скромная птичка и не догадывалась какая её ожидает судьба, если бы в дело не вмешалась стоящая неподалёку служанка:

— Сожрёт птичку, и тогда в следующий раз не на кого будет свалить ответственность за другие неловкие ситуации!

Крест, окрылённая милосердием своего амурного идола, надеялась даже поцеловать его, когда протягивала ему конский хлыст в минуту расставанья, но, ощутив мощь удара этого хлыста на собственной пухленькой попке, тут же изменила своё решение. Невозмутимый Жопа, дождавшись пока она прекратит стонать и кривляться от боли, очень просто объяснил свой безумный поступок:

— Запомни раз и навсегда — хлыст надо подавать в левую, а не правую руку!

Окунув, напоследок, пострадавшую в тонкости культуры поведения, он мирно поскакал

Уж больно скверные у меня получились герои! Я даже хотел предложить служанке отравить их всех, а самой повеситься. Но всё — таки пусть останется хотя бы одна роза моего гуманизма, среди всего этого навоза. Да и Жопа, в принципе, не такой уж плохой парень — коня, к примеру, своего любит. Так что скачи, Жопа, скачи! А я пришлю тебе крепкую табуретку, чтобы коня легче любить было!